

Глава первая

Метель, как ураган,
Метет средь бела дня.
Замерзший мальчуган.
О боже, это — я.

«Сборная Союза»

Поезд полз по промерзшей заснеженной земле. Деревья в снегу, избы редких деревень. Все в снегу. И метель еще. Вышел он из Куйбышева в восемь вечера и должен прибыть в Москву в полночь на следующий день. Билеты генерал Аполлонов купил в плацкартный вагон. Не для себя. Сам ехал в личном вагоне. Большая шишка. Да нет, правда, большая. Все же заместитель министра МВД. Самого же министра звать... (Берия? Нет. Не угадали. Абакумов Виктор Семенович? Опять нет.) Круглов Сергей Никифорович, и он тоже генерал-полковник.

Билеты в плацкартный вагон генерал купил для двух Вовок — Фомина и Третьякова. Вратарь сейчас мирно дрых на нижней полке, высунув ноги поперек прохода и почти полностью его перегородив. Благо два часа ночи, и шастанье по вагону туда-сюда прекратилось, все спят. В вагоне стоит тяжелый дух и холодина одновре-

менно. Пятьдесят с чем-то человек, хотя нет, детей полно, так что человек семьдесят выдыхают углекислый газ, винные и водочные пары, ароматы чеснока и табака. Все это озоном назвать сложно. Плюсом запах портянок и сапог, надранных гуталином. И поверх всего этого из щелей, которыми изобилует старенький довоенный вагон, врывается запах угля. Паровоз недалеко. Первым прицеплен вагон Аполлонова, потом два купейных и вот четвертым вагоном их — плацкартный.

Не все ведь запахи. Про детей уже говорил. Дети разных возрастов. Одни носились весь вечер по вагону, знакомились и играли в войнушку, другие кричали, приняв участие в конкурсе, кто громче надрывается, а между раундами гадили. Некрасивое слово. Дети — цветы жизни. Непонятно, зачем зимой, в такой мороз, эти цветы в продуваемом всеми ветрами вагоне перевозить. Вымерзнут. Груднички эти, а было их четыре человека, человечка, пачкали пеленки, а совсем даже не гадили, с интервалом в пару часов. И ночь их не остановила. Вот только последний хриплым дискантом покричал немного, сообщая матери об очередной порции. Вставить бедняжке, подмывать мелкого пакостника, маслицем смазывать и идти полусонной в туалет с наплывами льда на полу, в ледяной воде эту тряпочку застирывать. Не фланелька. По виду остатки мужниной рубахи.

Бедно живет страна? Хрен там. Бедно, это когда БЕДНО. А тут почти за гранью нищеты.

А еще ведь недавно сильнейший удар нанесли по благосостоянию простых людей. Проведена денежная реформа 1947 года.

Федор Челенков про нее матери вовремя сказал, и они небольшие свои сбережения, что копили для обучения Вовки в старших классах, положили в сберкассу. (Здесь, в этом времени, образование после седьмого класса и в институтах платное.) Там при сумме до трех тысяч рублей меняли деньги один к одному. При Гайдаре пытались провести точно такую же реформу, и в обоих случаях эффект половинчатый. Это не реформа 1961 года, когда деньги меняли один к десяти и соответственно в десять раз (ну почти, за редким исключением) и цены понизились. Нет. Деньги просто меняли старые на новые. Причина понятна, за время войны на руках у населения оказалась огромная денежная масса, и ее нужно было изъять. Сам народ почти нищий, задумка была очередной раз ударить по артельщикам, по цеховикам, по спекулянтам. У них деньги, а их можно поменять только один к десяти, да и то ограниченное количество. Не получилось провести, как задумывали, по той простой причине, что верхи протекли, и в массы ушла информация о механизмах реформы. Все богатенькие бросились снимать деньги в сберкассах и дробить их на трехтысячные вклады на родственников или в другом городе на себя же любимого. Огромные очереди выстроились в сберкассы уже в августе и до самого конца декабря не уменьшались.

Карточки отменили вместе с реформой. Цены на всё почти подняли, а цены в коммерческих магазинах, где разница достигала десяти раз с теми, что выдавали блага по карточкам, снизились в два раза. В результате в коммерческих магазинах теперь разница с государственными всего в два раза. Зарплаты остались те же. И как итог — очередное резкое обнищание народа. Обычного. Артельщики и серые цеховики часть денег потеряли, но жить хуже не стали, а вскоре и вернули себе деньги. А простые люди?

Вот два примера. Мясо. Как было и что стало.

Пайковая цена 12 рублей. Коммерческая — 120 рублей. На базаре можно было купить за 80 рублей. После реформы в магазине установили цену в 30 рублей. Обеспеченным стало легче жить. А простому токарю третьего разряда или кладовщику (Вовке) при зарплате в двести рублей кило говядины можно теперь после отмены карточек только рассматривать сквозь витрину, отстояв многочасовую очередь.

И хлеб. Который всему голова. Пайковая цена около рубля. От сорта зависит и места на карте. Коммерческая — около десяти рублей. На колхозном рынке еще дороже, до тринадцати рублей. После реформы цена в магазине стала три рубля. Еще один продукт стоит назвать, динамика та же, цена интересна. Теперь сливочное масло стало стоить шестьдесят четыре рубля. Ну, зарплату кладовщика помним. Три кило можно купить за месячную зарплату.

Вовка, он же Федор Челенков, уснуть на своей второй полке не мог. Под хлипким, почти прозрачным одеяльцем холодно, забрался тогда вообще под матрас и на жесткой полке теперь толком и не повернуться. От окна дует. Закрыл щель подушкой и лежал с закрытыми глазами, пытаюсь понять, правильно ли поступил, что подчинился рваческому настроению генерала Аполлонова. Увидел председатель спортобщества «Динамо» двоих неплохих игроков на фоне убожества команд второй лиги и захотелось ему заполучить их в свой удел. Обычная практика для этого времени. Один Василий Сталин с его ВВС чего стоит. Всех уже ободрал. А ведь через два года та самая катастрофа, когда практически вся команда погибнет при аварии самолета, и снова Василий Иосифович обдерет все команды в СССР, чтобы возродить свою. Не лучше и ЦДКА, и вот «Динамо». Плохо это или хорошо... Вовка считал, что хорошо. Хотя бы на высшем уровне нужен чемпионат с сильными командами, а иначе как состязаться с зарубежными сборными и клубами. А еще ведь проблема с детскими и юношескими школами, с инвентарем. Просто нет коньков и мячей. Нет клюшек, нет формы. Пусть хоть десять клубов в стране соревнуются, хоть несколько сотен человек, на должном уровне. Через несколько месяцев Аполлонова снимут с зама министра МВД, за всякую хрень типа дешевой мебели, что зэки для него сделают. Это для бумаг. На самом деле снимут и назначат председателем вновь созданного Ко-

митета по физкультуре и спорту из-за регулярных позорных проигрышей наших спортсменов на международной арене.

Железный занавес вещь сложная. Он не только шпионов не пускает, он еще и мысли держит по ту сторону. В своем соку вариться можно, иногда и на пользу, но в большинстве случаев во вред.

Вовка под матрасом, по толщине скорее напоминающим ватное одеяло, почти согрелся. Даже в сон начало клонить, но... Тут о себе напомнил мочевого пузыря. Говорит: «А какого черта ты, Вовкофедор, на сон грядущий три стакана кипятка, чем-то подкрашенного, выдул. Ах, мамин пирог с капустой запивал. Одобряю. А теперь пожалуйста на выход».

Из-за матраса, лежащего поверх тушки, пришлось устроиться на животе, что процессу планирования похода к удобствам еще больше способствовало. Тяжко вздохнув, потом ведь опять согреться час придется, а там и утро, Вовка вылез из-под обломков уюта и спрыгнул на пол. Ледяной. Прямо обжигает босые ноги. Валенки, с виду вполне себе теплые, тоже обманули. Портянки выложил, и, на босу ногу надев предательские валенки, Фомин устремился в конец вагона. Места им достались почти в самом центре, и пришлось половину пройти. Торчали ноги не первой свежести. В третьем закутке мать перепеленывала того самого полночного испражненца, амбре холода не испугалось, источалось, в последнем стоял чудовищный запах перегара

и не менее чудовищный храп. Здоровые люди не храпят? А какие здорово храпят?

Туалет был свободен. Беда только в нем образовалась. Кто-то неудачно в унитаз сходил, и это дело замерзло, потом еще один, потом... Сейчас унитаз был полон газет и всяких других разных вещей, а ведь еще сутки ехать. Что-то тетка в ватных штанах серых, что играла роль проводницы в их вагоне, с этой ролью плохо справлялась. Чая ждали больше часа, титан пустой, и вот удобство неудобное.

За фанерной стеной туалета, с той стороны, где тамбур, мужской голос что-то неразборчиво сипел, а женский плакал. Их дело. Вовка сунул руки под ледяную струю, хорошо хоть вода не перемерзла, и вышел из туалета в вагон. Решил проводнице рассказать про унитаз и постучал в ее каморку. Ни ответа, ни привета. В просвете вагона тоже никто не маячил. Так, может, плакала проводница в тамбуре? Выглянул.

Твою же мать! Что ж не везет-то так.

В тамбуре происходило следующее. Мужчина среднего роста в сером пальто, явно недешевом, держал нож у горла проводницы одной рукой и пытался расстегнуть пуговицы на ее ватных «левисах» другой. «Страусы» надеты были явно в обтяжку, и у обладателя пальто дело на лад не шло, тем более что хозяйка ватных штанов ими явно дорожила и снять с себя не позволяла, чуть вертясь и отстраняясь и от ножа, и от ручки загребущей. Процедура, по всей видимости, уже какое-то время тянулась, так как проводница почти зажалась

в угол тамбура, а гражданин распалился, сипел и слюной брызгал, ничего вокруг не замечая. Вовку, открывшего дверь у него за спиной, тоже.

— Кхм.

Гражданин обернулся. Нож от горла не убрал и руку вторую продолжал греть за поясом ватных «вранглеров».

— Товарищ, я тоже бы хотел поучаствовать.

— Становись в очередь.

— В очередь? Ну, не знаю, а вдруг у вас чего венерического, нос вот ваш мне не нравится.

— Нос?

— Ну да, провалился он у вас, уважаемый.

— Да, врешь ты все, молокосос, все у меня с носом в порядке.

— А теперь?

Не было этого диалога. Вовка ровно секунду раздумывал, если сейчас ударить товарища в пальто, то он может и воткнуть острие финки в горло проводницы. Отвлечь надо.

— Смотри, Гитлер! — Фомин вытянул левую руку, показывая на швабру, застывшую в углу тамбура, в противоположном от места действия.

— Где? — Голова повернулась, и рука с ножом чуть опустилась.

— На бороде! — Вовка прямым джебом правой нос антифашисту сломал.

Звякнула финка, падая на железо у двери, и звякнула голова насильника от второго удара. На этот раз свинг левой. Ударилась о стекло двери на сцепку вагонов и разбила его. Товарищ в красивом сером пальто, даже не хрюкнув, как описы-

вают в бульварных романах, стал сползать по стеночке. В глубоком нокауте пребывал. Растянулся, из носика провалившегося стала лужица натекает. Фомин его на живот перевернул, а то еще захлебнется кровью и концы отдаст, отвечай потом за него. Ехать вместо Москвы на Колыму (речка такая) Федору не хотелось, да и Вовке не очень.

— А-а-а! — заголосила проводница.

Вовка отпрыгнул.

— Что?

— А-а-а!

— Ясно. Товарищ проводник, а в поезде есть милиция?

Лязгнули зубы, и песня оборвалась на самом верху крещендо.

— Ладно, зайдем с другой стороны. Зовите начальника поезда. Быстро!

Женщина оправила задранный фирменный тужурку, перестав хвастать белым пузом, и мотнула головой туда-сюда.

— Начальник поезда! — напомнил Вовка.

— Спасибо, молодой человек, — проводница еще раз оправила на себе одежду и протиснулась мимо Вовки в вагон.

Фомин потрогал пульс на шее антифашиста. Нормальный. Чуть наполнение страдает, но это уже к врачам. Встал, прошелся от одного выхода к другому. Ночь за окном. Темень. Вечером метель была и сейчас продолжается, наверное, вон завывает, пробиваясь даже через тух-ту-дух. Еще раз прошел, невелика дорога. Три шага в одну сторону, три в другую.

Замерзать Вовка начал, он-то в отличие от специалиста по ватным штанам не в пальто драповом, в свитере драпом. Да хоть даже и в целом. И в валенках на босу ногу, а этот любитель сладкого в меховых унтах. Вообще, неплохо упакован индивид. Федор Челенков всю жизнь был законопослушным человеком. Даже в машине пристегивался всегда. И дорогу по светофору переходил, почти... А тут вдруг нагнулся и проверил карманы пальто. Ничего, а нет, во втором хорошие кожаные тонкие перчатки. В такой мороз вещь ненужная. А раз ненужная, то и не надо. Антифашисту. Вовка сунул их за голенище валенка. После пальто дело пошло быстрее. В карманах брюк оказалась приличная пачка денег. Рублей пятьсот. Вон даже сторублевые розовые бумажки есть. Дела. Зачем ему в тюрьме? Сколько там за изнасилование дают, да с оружием? Семь лет?! Нет. Точно не пригодятся. Тоже за голенище валенка последовали.

Ух ты! Мать моя женщина! А это чего? Это же золотые часы «Победа» у будущего сидельца на руке. Отберут менты или зэки. Да сто процентов менты. Динамовцы. Ох, не хотелось мародерствовать. Ох, заставили. Вот чего он к женщине с ножом лез именно в это время? Нужны ведь часы, а то опоздает на тренировку или на игру. С кем там «Динамо» будет играть? Какие самые важные матчи? Там ведь то ли в прошлом году, то ли в этом чехи заявятся со странным названием. Вот, опоздает на игру с чехами. Международный скандал.

Аполлонов его убьет. Придется взять, на ту стипендию, что ему генерал-полковник пообещал, золотые часы не купишь. Это ведь рублей сто. В валенок их.

Всё, главное — вовремя остановиться.

Вовремя, оказывается, начальник поезда через вагон от их. Потом узнал, при составлении протокола.

— Что тут происходит? Ты его вырубил? — Твою ж дивизию, мужик был не меньше ростом, чем старший Фомин, да в плечах если и уступал, то самую малость. В тамбуре сразу стало тесно.

— Я.

— Кто такой? — Товарищ навис над высоким Вовкой.

«А ударим-ка из главного калибра», — решил Фомин.

— Владимир Фомин, мы с генерал-полковником Аполлоновым вместе в Москву едем. Хоккеист. Динамовец. — Всё ведь правда.

— С Аркадием Николаевичем? Динамовец? Замечательно! — прояснилась физиономия у гренадера.

— Надо милицию вызвать...

— Разберемся. Вот что, товарищ хоккеист, помогите мне этого товарища связать, — в руке бугая появилась веревка.

Конечно. Наручники даже у милиционеров еще очень редкая вещь. Агрегат сложный в изготовлении и часто ломающийся. Замочек там очень ненадежный. Ну, и начальник поезда ни разу не милиционер. А потому понятно, веревочка.